

ЭХО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО АФФЕКТА: ПЕРЕДАЧА ПСИХИЧЕСКОЙ ТРАВМЫ

Барке Ксения Андреевна

Аспирант, Московский государственный психолого-педагогический университет
mlksenya@yandex.ru

ECHO OF UNCONSCIOUS AFFECT: TRANSMISSION OF MENTAL TRAUMA

K. Barke

Summary: This article examines the problem of understanding the transmission of mental trauma through time and generations, which is of current interest today. Mental trauma is considered by the author in the context of such concepts as "individual trauma", "collective trauma" and "historical trauma". The conducted research is built on the analysis of specialized foreign and domestic literature. And in the end the author achieves his goal - to show a possible additional facet in the understanding of the transmission of mental trauma in the psychosocial context.

Keywords: trauma, psychic trauma, psychic transmission, unconscious affect, memories, language.

Аннотация: В данной статье рассматривается актуальная на сегодняшний день проблема – проблема понимания передачи психической травмы через время и поколения. Психическая травма рассматривается автором в контексте таких понятий, как «индивидуальная травма», «коллективная травма» и «историческая травма». Проводимое исследование построено на анализе специализированной зарубежной и отечественной литературе. И в завершении автор достигает своей цели - показать возможную дополнительную грань в понимании передачи психической травмы в психосоциальном контексте.

Ключевые слова: травма, психическая травма, психическая передача, бессознательный аффект, воспоминания, язык.

Проблема понимания передачи психической травмы через время и поколения все еще остается актуальной на сегодняшний день, несмотря на обширное количество исследований, и разработок в данной области. Стоит отметить, что при рассмотрении концепции передачи психической травмы выявляется множество пробелов, заполнить которые не всегда удается привычным пониманием, сложившимся на сегодняшний день.

Понятие психической травмы невозможно рассматривать вне контекста таких понятий как «индивидуальная травма», «коллективная травма» и «историческая травма». Необходимо также указать не только на пробелы в понимании передачи психической травмы, о которых пойдет речь ниже, но также и на определенный кризис, существующий на данном этапе развития – «trauma studies». Подходя к вопросу исследования коллективной травмы, складывается понимание невозможности его отделения от понятий «культурная травма» или «историческая травма». Также все они неотделимы от понятия «индивидуальная травма». При анализе специализированной зарубежной и отечественной литературы, складывается ощущение размытия границ и потери четкого контура, который их бы обозначал. Проблемы передачи психической травмы и проблемы, существующие в понимании этого феномена, неразрывно связаны с кризисом, который мы можем наблюдать в исследованиях «trauma studies» – в исследованиях коллективной травмы, культурной и исторической.

В данной статье предпринимается попытка внести дополнительную грань понимания передачи психической травмы, при этом надеюсь, что это не будет способствовать размыванию границ, речь о котором шла выше.

Актуальность проводимого исследования поддiktована спецификой нашего сегодняшнего времени. Время, в котором разворачивается наша индивидуальная и коллективная история, некоторые исследователи в области «trauma studies», называют посттравматическим [16]. Например, профессор Ш.Фелман назвала XX век посттравматическим, говоря о том, что основная дискурсивная модель, которая априори ему присуща, – свидетельство [4].

Рассматривать концепцию коллективной травмы без понимания индивидуальной травмы не представляется возможным, так же, как и не представляется возможным говорить об исторической и культурной травме вне контекста коллективной и индивидуальной травм. Историк П. Левенберг отмечал: «Я считаю, что фрейдовский анализ страха является политической и исторической категорией, весь спектр импликаций которой еще не изучен. Социальная травма – важнейший мостик к истории. Здесь мы имеем дело не с индивидуальным случаем психогенеза. Вся история человечества – это история масштабных травм войн, переселений, эпидемий, засухи и голода, экономических кризисов и бедствий. Травма является теоретической связью между индивидом и социальной группой, поколением, нацией и миром» [5].

Данная статья ставит перед собой цель проанализировать подходы к пониманию психической травмы и травматического, способы и механизмы передачи психического материала, а также проследить связь индивидуальной и коллективной травмы в психосоциальном контексте. В данной статье мы рассмотрим концепцию «травматического бессознательного», где психическое количество энергии при травме образует новое «психическое ядро» - психический элемент, который не имеет никакой символической формы и, следовательно, не может быть встроен в сеть репрезентаций. Но, тем не менее, он передается словно эхо, являясь бессознательным аффектом. Также рассмотрим основные механизмы передачи психического на основе зарубежной литературы, а далее будет предпринята попытка внести дополнения в понимание механизмов передачи психического материала на базе существующих исследований французских психоаналитиков.

О психической травме

Человек, столкнувшийся с травмой, несет в себе историю, которую невозможно помыслить, и становится симптомом истории, которую он не может полностью интегрировать, понять и уместить в своем опыте. То, что выходит за возможности мышления, и есть травма. В психоаналитической идеи Лакана, то, что находится за пределами понимания или реальности – Символическое и Воображаемое, называется реальным, и это можно рассматривать как травму.

В классическом теоретическом подходе Лакана к травме, ядром потенциально травмирующего события является конфронтация с «реальностью смерти» («le réel de la mort»). Из-за внезапной и неожиданной конфронтации со смертью субъект входит во временное состояние шока – то есть, «превращается в камень», как солдаты в древнегреческом мифе о Медузе, встретив которую, от страха и ужаса каменели (Сросс, 1999). В состоянии «effroi de la mort» (застывшее состояние шока перед лицом смерти) субъект встречает полную и абсолютную пустоту и «лицо смерти», и переживает эту пустоту как полностью покинутый мир живых. Французские психоаналитики описывают концепцию «травматического бессознательного» как результат близкого столкновения с реальностью смерти («réel de la mort»). Переживание недоумения, абсурда и аннигиляции, которое обычно появляется в клинических описаниях переживших травму, представляет собой «короткое замыкание» символической функции. С данной точки зрения психическая травма возвращает к нарушению «означающих». Иными словами, лакановская концепция значимых для репрезентации слов, необходимых для интеграции опыта – из-за внезапного столкновения с невыносимым и непостижимым для осознания и понимания [15].

Подобная интерпретация задокументирована многочисленными клиническими эпизодами в работе «Lebigot» (2005). В этом подходе очень важно понятие «Effroi de la mort»: оно описывает воздействие события, которое включает крайнюю тревогу, ужас, и бессилие. Эта интерпретация травмы вытекает из ранних фрейдистских взглядов на травму. В них психика представляется ограниченным объемом, в котором существует сеть репрезентаций, между которыми могут свободно циркулировать небольшие количества энергии. Этот ограниченный объем окружен своеобразной «мембраной», которая рассматривается как барьер для стимулов, защищающих психику от перегрузки. Стимулирующий барьер защищает психику от чрезмерной стимуляции, которая может извне повлиять на психическое равновесие изнутри и деформировать форму стимульного барьера. Напряжение за пределами стимульного барьера – это напряжение, которое отрицательно влияет на свободную циркуляцию энергии. Тревога, возникающая в результате травмирующего состояния, приведет к увеличению энергии за пределами стимульного барьера. Психика защищает себя от угрозы извне. Когда напряжение снаружи уменьшается или исчезает, барьер стимулов снова принимает прежнюю форму. Огромное количество энергии, исходящей извне при травме, резко проникает в стимульный барьер. В результате возникает странное ядро – «corps étranger» – элемент, который не имеет представления, никакой символической формы и, следовательно, не может быть интегрирован в существующую сеть ментальных представлений. Согласно данной точке зрения, этот странный «элемент» связан с близким столкновением с «реальностью смерти» и не может быть интегрирован, потому что нет представления, нет символизации смерти в более широкой сети репрезентаций. Этот «инородный элемент», который никак невозможно интегрировать в сеть репрезентаций, и является травматическим элементом. Но он передается от психики к психике, отталкиваются, будто эхо от стен.

О психической передаче

С психоаналитической точки зрения, психическую передачу можно понимать как повторение или последовательность, проявляющиеся в поколениях. Психическая передача как «отпечатки ... пустые впечатления, стертые, забытые, о которых сигнализируют остаточные проявления, психопатологические черты, психические предрасположенности ... как вытеснения инцестуозных и убийственных желаний. Эти завуалированные, искаженные следы проявляются также в традициях, нравах, обрядах, пережитках архаичных установок». Эти архаичные следы являются ядром передачи, проходящей «траекторию от зарождения к поколению ... от зарождения до смерти, и они гарантируют членство в человеческой цепи». Это наследие передает «структуру, код, который объединяет субъекта и сообщество, и защищает его ме-

сто, сохраняет смысл» (Мюриэль, 2003).

Размышления о психической передаче встречаются в работе «Я и оно» (1923). Автор пишет, что «наследственное таит в себе остатки бесчисленных существований Эго, потому что пережитые переживания Эго, если они повторяются с силой и частотой у многих людей, сменяющих друг друга из поколения в поколение, переносятся в жизненный опыт Ид, отпечатки которого сохраняются наследственностью» (Очерки психоанализа 1981).

Фрейд пишет: «Таким образом, действие наследственности сравнимо с действием множительного провода в электрической цепи, который преувеличивает видимое отклонение стрелки, но не может определить ее направление». Каес пишет: «...мы имеем здесь дело с аппаратом для усиления явлений, детерминация которых подчиняется определенному порядку: наследственность проявляет психические образования, имеющие отклонение в соответствии с внутренними детерминантами» (Каес, 1993).

В 1916 году Фрейд развивает идею наследственности. Он переформулировал свои наблюдения и сделал наследственность неоспоримой реальностью; он настаивает на влиянии событий раннего детства, которые «принадлежат прошлому, и мы не можем вести себя так, как будто их не было» (Каес, 1993).

В работе об анализе Доры в 1905 году, Фрейд предлагает реальный взгляд на межпоколенческое и внутригрупповое измерение психической передачи. По мнению Каеса, случай Доры иллюстрирует тезис о передаче невроза психическим путем: «...случай Доры конституируется в точке завязывания бессознательных сексуальных конфликтов в цепи поколений и в ткани группы, где эти симптомы обновляются» (Каес, 1993).

В своей работе «Толковании сновидений», Фрейд говорит о бессознательной передаче через отождествление с объектом или фантазией о желании другого. Это было началом открытой дискуссии о подражании и психическом заражении между субъектами, а также об интрапсихическом способе передачи мыслей и сновидений [17].

В дальнейшем, Grubrich-Simitis (1981) использовала этот подход при изучении воздействия на детей родителей, переживших концлагеря [14]. Исследование выявило синдром выживания, при котором тяжелая травма считается результатом «кумулятивной травмы». Синдром выживания - психоз, пограничные расстройства и психосоматические симптомы.

Среди переживших Холокост существует разнообразие переживаний и психологических симптомов, которые

были задокументированы, включая отрицание, возбуждение, тревогу, депрессию, навязчивые мысли, чувство вины выжившего, диссоциацию и трудности с выражением эмоций (Barocas & Barocas, 1980; Bar-On et al., 1998; Felsen, 1998; Neiderland, 1981 год; Weiss, O'Connell&Siiter, 1986). Кроме того, дети переживших Холокост были более уязвимы к негативному воздействию стрессоров и чаще, чем дети из контрольной группы, страдали посттравматическим стрессовым расстройством и депрессией при столкновении со стрессовыми событиями (Baider et al., 2000; Yehuda, 1999). Межпоколенческие эффекты, подобные тем, о которых сообщалось среди детей переживших Холокост, также были зарегистрированы в других группах населения, включая американцев японского происхождения, подвергшихся интернированию во время Второй мировой войны (Nagata, Trierweiler & Talbot, 1999), и переживших турецкий геноцид армян (Купелян, Калайджян и Кассабиан, 1998) [10].

Хан (1963) ввел понятие кумулятивной травмы и подчеркнул, что она развивается в результате повторяющихся фрустраций при отсутствии защитного щита. Он обнаружил, что способность родителей обеспечить защитный щит для своих детей имеет решающее значение для развития и стабилизации интрапсихических функций, и для развития его внутреннего мира. Также он отмечал, что совокупный индивидуальный травматический опыт может привести к тяжелым психическим расстройствам.

Кристал и Нейдерланд (1968), Ракофф, Сигал и Эпштейн (1966), Сигал и Ракофф (1971) изучали детей, родители которых выжили в концлагерях, с целью описания детской психопатологии. Они заключили, что среди этих детей были чрезмерно представлены расстройства поведения и особый тип избегания, способности отделиться от своих родителей.

В своей работе, Даниэли (1998) провела обзор эмпирической литературы с двух сторон: исследования детей выживших в концлагерях; и исследования ветеранов войны. Результатом этих исследований было то, что детская психопатология и уязвимость были связаны с переживанием сильного стресса. Харкнесс (1991) изучала взаимосвязь между посттравматическим стрессовым расстройством и насилием среди детей американских ветеранов войны во Вьетнаме. Она выявила, что эти дети страдали депрессией и тревогой с шизоидными чертами личности, что они имели некоммуникативную манеру общения, были гиперактивными и имели больше психосоматических симптомов, чем другие [14].

Также существует вероятность того, что передача коллективных воспоминаний может увековечить пережитый опыт коллективных травм, тем самым поддерживая их последствия во времени. В равной степени,

возможно, что обмен воспоминаниями может также обеспечить основу для коллективной поддержки и создания интерпретаций, позволяющих поместить события в исторический и культурный контекст (Frijda, 1997; Rimé, Finkenauer, Olivier, Emmanuelle, & Philippot, 1998) [10].

По мнению Майн и Тарабриной [6], основными психологическими механизмами передачи психического содержимого между субъектами, в том числе между поколениями, можно назвать идентификацию и проективную идентификацию. Идентификация - бессознательный процесс присвоения психикой субъекта черт значимой личности. Речь идет, в том числе и о бессознательных элементах психики, конфликтах, ролях, идеалах, представлениях объекта (Фрейд, 1997). Идентификация представляет одновременно способ формирования, конструирования Я и психических объектов, а также способ защиты и разрешения травматизма (Ciccione, 1999).

А. Фрейд описал явление идентификации с агрессором: идентификация ребенка с персонажем его истории, который заставлял его страдать, одновременно с вытеснением аффекта, связанного с событиями прошлого. Став родителем, такой человек будет заставлять страдать своего ребенка, т. е. спроецирует на него свое вытесненное страдание [6].

И. Гампел (1995) описывает «радиоактивную идентификацию», которую она наблюдала в семьях, переживших Холокост. Это способ, которым пережившие Холокост пытаются облегчить страдания от своих ран и нежелательное воздействие их ран на их детей, включая насильственные формы идентификации. Все происходит, как если бы ужасные, насильственные и разрушительные события реальности, от которых у личности нет защиты, переходили от одного поколения к другому без трансформации, без смягчения их деструктивных эффектов, как радиоактивность, способная проходить через тело. Эта «радиоактивная идентификация» несет непредставимые пережитки радиоактивного влияния внешнего мира, которые укореняются в индивидууме [6].

М. Торок и Н. Абрахам (2005) описывают механизм «эндокриптической идентификации». Речь идет о лакуне, формирующейся в Я, подвергающейся передаче. Субъект оказывается идентифицированным с инкорпорированным объектом, который не может пережить горе, что связано одновременно с ценностью идеального потерянного объекта и с существованием постыдного секрета, касающегося его. «Я» субъект оказывается захваченным инкорпорированным объектом, функцией которого является поддержание статус-кво, предшествующего травматизму потери. Непережитое горе образует лауну в психическом пространстве. Что-то, что никогда не было осознано, передается от бессознательного родителя бессознательному ребенку. Патологическое дей-

ствие оказывает невысказанность, тайны, в существовании которых трудно признаться [6].

Другой механизм – это проективная идентификация. Впервые она была описана М. Кляйн (2001) как один из ранних, примитивных защитных механизмов, способ совладания с нежелательными элементами внутри психики. Эти неприемлемые, тревожащие элементы выбрасываются наружу и помещаются в психику другого человека. Субъект провоцирует объект вести себя так, будто эти черты, страхи, фантазии принадлежат объекту [6].

Д. Роуланд-Кляйн и Р. Данлоп (1998) описывают проекцию родителями в ребенка чувств и тревог, связанных с Холокостом, и интроекцию последних ребенком, как будто они сами пережили этот опыт, с последующим возвращением вложения в виде проблем. Результат - чувство у ребенка, что ему приходится жить в прошлом родителя, чтобы полностью понять, через что он прошел. Ребенок часто не понимает эти эмоции, описывая их как «необъяснимую скорбь». Ребенок стремится сохранить связь с родителем, но в то же время хочет жить своей собственной жизнью и отделить себя от травматичной истории родителя (Kahane-Nissenbaum, 2011) [6].

Х. Фэмберг (1935) вводит понятие «столкновение поколений» («телескопаж») и говорит об идентификационной захваченности ребенка его внутренними родителями, что приводит его к ассимиляции чужой истории. Эта идентификация включает фундаментальные элементы истории объекта с которым идентифицируется субъект. Таким образом, эта идентификация конденсирует часть истории, не принадлежащей поколению субъекта [6].

О бессознательном аффекте

В отечественной и зарубежной литературе существует множество исследований, посвященных последствиям психической травмы, их проявлениям и возможным методам и техникам работы с ними. Выше мы рассмотрели основные механизмы передачи психического материала от субъекта к субъекту в зарубежных исследованиях, исходя из анализа которых можно заключить, что основными механизмами являются идентификация и проективная идентификация. Но, на наш взгляд, эти механизмы не позволяют рассматривать психическую травму в более широком контексте, не только в индивидуальном, но в психосоциальном контексте. Механизмы передачи психической травмы (идентификация и проективная идентификация) будто бы ставят перед нами ограничения в виде возможности психической передачи лишь в родственных связях или отношениях, и не способствуют более глубокому пониманию передачи психического материала в более широком, психосоциальном контексте.

История не заканчивается, когда объявляется победа или поражение, оба потомка продолжают «войну». Травма с одной стороны, как событие, локализовано во времени, с другой – процессуальна, так как продолжает оставлять свой след на будущих поколениях.

Между поколениями ведется учет долгов, «семейные счета»: последующее поколение имеет долг перед предыдущим, причем отплатить его нужно трансгенерационно, по нисходящей, своим детям. Если в поколениях накапливаются долги и несправедливости, новый член семьи уже при рождении нагружается тяжелым наследством. Р. Каес (2009) обращает внимание на роль памяти, благодаря которой существует история поколений и возможна передача между поколениями. Таким образом, передача является историческим основанием, связывающим поколения. При этом у группы, как и у личности, есть тенденция устранять из памяти болезненные вещи, отвергнуть то, что может представлять угрозу для группы в целом и для связей внутри нее [6]. В условиях, когда субъект не смог психически переработать травму в силу ее интенсивности, длительности, индивидуальной значимости, пережитый травматизм остается «сырым материалом», плохо или совсем невербализованным, несимволизированным.

Травма является тем, что диктует повествование истории, и биография и идентичность покоряются травме в ходе этой истории. При этом у травмы нет своего языка [7], потому что опыт травмы – невысказанный, невозможный к описанию, и тогда мы вынуждены использовать те средства, которые есть в нашей психике, наша задача распознать, увидеть язык, на котором «говорит» травма, и какие репрезентации травма использует, чтобы заявить о себе; найти способы, посредством которых травма ищет способы интерпретироваться, уместить в психике посредством репрезентаций. Когда происходит травма первая реакция на произошедшее, часто выражается в сбивчивой речи, либо во временной потере способности говорить или выговаривать слова. Травма буквально останавливает время в психике, и субъект оказывается в состоянии забвения. Когда происходит «взлом» психики складываются новые специфические отношения с речью и языком. Лакан и Фрейд писали, что у травмы нет своего языка и субъект, переживший травму, вынужден использовать те речевые конструкции, которые есть у него в арсенале; но эти конструкции не позволяют и не способны отразить травмирующий опыт. У травмы нет возможности быть вербализованной, и тогда за травму говорят вещи. Когда субъект рассказывает свою биографию, он предполагает преобразование болезненного содержания травмы в символ, в речь, и таким образом возникает перспектива преодоления влияния травмы на субъект. Айерман в своей работе «Культурная травма и коллективная память» пишет: «средства, и способы репрезентации ... стирают границу между от-

дельными людьми и ликвидируют разрыв между происшествием и воспоминанием о нем».

Эрнст ван Альфен объясняет, что проблема травмы – это ни природа события, ни внутреннее ограничение представления; скорее, это раскол между живым событием и доступными формами репрезентации, с которыми/в которых может происходить событие [11].

Карут пишет о том, что травма «это всегда история раны, которая кричит, обращается к нам в попытках рассказать о реальности или истине» [12] и этот голос раны передает бессознательно через различные тексты. Вслушивание в эти тексты становится решающим в пробуждении [2].

По мнению Давуан и Годиер, травма говорит только с травмой и фрагменты с вырезанной историей могут быть выговорены лишь тогда, когда в самом анализе будет активирована аналогичная область; в этот момент психоаналитик и может осуществить полный перенос, открыто придать такому столкновению форму слова [18].

Dori Laub (2005) в своем труде цитирует Moore (1999) [13], который утверждал, что травмированный субъект не может знать, что произошло травматическое событие, пока Другой не предоставит ему нарратив. Человек может знать свою историю только тогда, когда он рассказывает ее тому, что Laub называет «внутренним ты» (внутренним другим).

Момент узнавания, возможно, происходит моментально в тот момент времени, как начинается коммуникация с другим. Но, по мнению Ф. Давуан и Ж. Годиер этот момент узнавания не является тождественным контрпереносу или переносу, это отклик травмы на травму.

Если мы посмотрим на работы Лакана, то увидим, что Другой является адресатом, к которому субъект обращается в своем бессознательном, и этот диалог – предмет исследования в психоанализе. То есть Другой – это тот, к кому обращена речь субъекта или Тот, кто является «местом речи» субъекта. Этот Другой так или иначе существует в бессознательном «поле» субъекта.

Т. Огден создал концепцию «аналитического третьего», согласно которой, аналитический процесс отражает нечто большее, нежели взаимодействующие субъективности аналитика и пациента. Здесь существует и третья субъективность, которую он называет «аналитический третий» [9]. Момент «узнавания» в «аналитическом третьем» происходит при столкновении двух Других в одной единице времени. Когда когда-то разорванная социальная связь видит возможность восстановления, находит «место для речи», речи, требующего языка или символа, который способен был бы ее сформировать, показать.

Когда-то что-то известно, но не мыслимо, об этом нужно сообщить, но не через речевые механизмы. Коммуникация посредством речи может опосредованной, «окольной» и сообщать нам что-то необработанное, неосознанное, но, тем не менее, передаваемое.

Эта передача немислимого, невозможного к представлению, тем не менее, передается в виде чего-то не имеющего символа и образа, но существующий как «corps étranger», или как бессознательный аффект. Ж.Ф.-Лиотар в своей работе «Хайдеггер и евреи» [3] пишет: «Бессознательный аффект не может быть представлен, не будучи упущен, снова забыт, потому что он не подвластен образам и словам. Представить «Освенцим» в образах, в словах – это способ заставить о нем забыть». Это «тело» травмы/ травматического опыта метаморфозно, просачивающееся и существующее везде, оставляющее отпечатки и следы, но не обнаруженное в слове.

Как будто травма старательно обходит символ в страхе обрести этот самый символ, и как говорит Лиотар, представить в слове – значит забыть.

Бессознательный аффект, существующий уже в следствии предыдущих катастроф, при новых травматических инцидентах для индивида начинается активизировать, будто эхо, которое «отталкивается» от стен.

М. Хирш пишет о «пространстве между мыслью и наиболее глубокими эмоциональными импульсами» [8]. Пространство между аффектом и репрезентацией – как будто является тем местом, где «застрял» бессознательный аффект, и это «сумеречное пространство» будто увеличивается от поколения к поколению. Ассман пишет: «Исторические травмы, обусловленные не военными действиями, а актами эксплуатации людей, антигуманного обращения с ними и их уничтожения, не исцеляются забвением» [1]. Но в этом «сумеречном пространстве» и возникают «осколки, отголоски», которые ищут возможность проложить путь, или переправу к репрезентации. Также, размышляя об этом, мы не можем не выделить такие понятия как память, постпамять и вос-память, о которых пишет М. Хирш.

И не эта ли переправа перекидывается, или появляется в виде «точек памяти», о которых пишет Хирш? «... «точки памяти» – точки пресечения между прошлым и настоящим, памятью и постпамятью, личным воспоминанием и культурной аллюзией. Понятие «точка» одновременно и пространственное, как точка на карте, и временное, как момент времени, - а потому подчеркивает пересечение пространственного и временного в механизмах работы личной и культурной памяти. Своим острием точка прошивает ткань времени: ... точки памяти проникают сквозь слова забвения, окликают тех,

кто хочет знать о прошлом. Точка миниатюрна, она представляет собой деталь и тем самым передает фрагментарный характер следов прошлого, оказывающихся в нашем распоряжении в настоящем, - маленьких прямоугольных листов бумаги, в которые мы вкладываем себя. Вдобавок такие останки прошлого полезны для нужд воспоминания – для того, чтобы рождать отклик – еще одно значение понятия «точка». А еще эти точки – это споры о памяти, предметах или изображениях, оставшихся от прошлого и содержащих «точки» работы памяти и передачи опыта ... слагаясь в множества, точки способны передать наслаивание нескольких временных пластов и рамок интерпретаций, сопротивляясь прямолинейному прочтению или обманчивому соблазну подлинности» [8]. Как будто эти «точки памяти» и являются «сумеречным пространством», в котором возникают «отголоски», которые «передаются» дальше, как Эхо, что бы обрести «голос» и рассказать историю своей раны, высвободить крик, который услышат и который одновременно боится быть услышанным, ведь стать услышанным – это остаться в прошлом. Это порождает противоречие – обрести «голос» значит ожить, но быть слышанным – остаться в прошлом, т.е. умереть.

Языком, который выбрала для себя травма, является эхо, бессознательный аффект, передающийся от психики к психике, и не обусловлено исключительно семейным родством. Травма, не имеющая языка, будто использует эхо, бессознательный аффект как нечто, способное передаваться и проявляться без слов. И при этом: «по свидетельству тех, кто сам не получил травму, но испытал ее воздействие задним числом через рассказы, действия или симптомы, проявляющиеся у предыдущего поколения, травма закрепляет и размывает межпоколенческие различия» [8].

Заключение

В заключении можно сказать, что концепция бессознательного аффекта позволяет нам говорить о передаче аффекта травматического в обход символического. Также невозможно приравнять бессознательный аффект и его эхо, передачу от психики к психике, к идентификации или проективной идентификации. Эхо, способно будто «откликаться» в психиках других индивидуумов, не состоящих в кровном или семейном родстве, что позволяет рассуждать про передачу психической травмы в психосоциальном контексте.

В данном исследовании мы не ставили перед собой цели заполнить существующие проблемы в понимании передачи психической травмы, скорее, мы ставили целью показать возможную дополнительную грань в понимании передачи психической травмы в психосоциальном контексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. 323 с.
2. Дремова Е. Н. Проблема репрезентации травмы и роль искусства в свидетельстве невыразимого опыта // Художественная культура. 2021. № 3. С. 220-238.
3. Лиотар Жан-Франсуа. Хайдеггер и «евреи». Санкт-Петербург: Аксиома, 2001. 187 с.
4. Мороз О., Суверина Е. Стадии травмы: история, репрезентация, свидетель // Новое литературное обозрение. 2014. № 1. С. 117-130.
5. Николаи Ф.В. Polemika o travme i pam'ati v amerikanskoy filosofii kul'tury: diss. ... doktora filosof. Nauk. Nizhniy Novgorod, 2018. 335 с.
6. Тарабрина НВ., Майн Н. В. Феномен межпоколенческой передачи психической травмы (по материалам зарубежной литературы) // Консультативная психология и психиатрия. 2013. № 3. С. 96-119.
7. Травма: пункты / под ред. С. Ушакина и Е. Трубиной. Москва: Новое литературное обозрение, 2009. 930 с.
8. Хирш М. Поколение постпамяти: Письмо и визуальная культура после Холокоста. Москва: Новое издательство, 2021. 428 с.
9. Консультативная психология и психотерапия [Электронный ресурс] // Официальный сайт. 2013. № 3. URL: <https://psyjournals.ru/> (дата обращения: 08.01.2023).
10. Bombay, A. Matheson, K., Anisman, H. Intergenerational Trauma: Convergence of Multiple Processes among First Nations peoples in Canada // Journal de la santé autochtone. 2009. № 1. PP. 6-35.
11. Burke, E. Unsettling Space: Trauma and Architecture in Contemporary Art. Tasmania: Tasmanian School of Art, 2015.
12. Caruth, C. Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History. Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press, 1996. 288 p.
13. Dana, A. Bearing Witness to the Witness: A Psychoanalytic Perspective on Four Modes. London: Routledge, 2018. 184 pp.
14. Daud, A., Skoglund, E., Rydelius, P-A. Children in families of torture victims: transgenerational transmission of parents' traumatic experiences to their children // International Journal of Social Welfare. 2005. № 14. PP. 23-32.
15. De Soir, E. The concept of psychological trauma in psychodynamic French theory: From metaphor to clinical usefulness // European Journal of Trauma & Dissociation. 2018. PP. 102-112.
16. Felman S., Laub D. Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History. New York: Routledge, 1992. 283 p.
17. Garabed, F. Le traumatisme du Génocide arménien de 1915 et l'acculturation des Arméniens à Montréal. France: Faculté des arts et des sciences, 2018. 73 pp.
18. Walkerdine, V., Olsvold, A., Rudberg, M. Researching Embodiment and Intergenerational Trauma using the work of Davoine and Gaudilliere: History walked in the door // Critical Psychology. 2013. PP. 272-297.

© Барке Ксения Андреевна (mlksenya@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»